

Окутанный безмолвием и тайной,
В тиши свои вынашивая страсти
И облекая их в свои деянья,
Он шлет их на крылах Судьбы к другим,
Подобно Воле — той, что правит нами:
Неведомой, незримой, недоступной!*

Году приблизительно в 1764-м несколько англичан совершали путешествие по Италии; осматривая окрестности Неаполя, они остановились перед церковью Санта-Мария дель Пьянто: храм этот принадлежал старинному монастырю ордена кающихся, облаченных в черное. Величественность портика, хотя и пострадавшего под воздействием времени, повергла путешественников в такой восторг, что у них пробудилось желание поближе познакомиться с сооружением, и любопытствующие путники поднялись по мраморным ступеням, ведущим ко входу в храм.

В тени портика, вдоль колонн, скрестив руки на груди и устремив взгляд долу, по каменным плитам пола расхаживал из угла в угол человек, всецело поглощенный собственными раздумьями. Поначалу незнакомец даже не заметил приближения посетителей, но затем, внезапно обернувшись, словно его встревожили донесшиеся до слуха шаги, стремительно ринулся к дверям и исчез в глубине храма.

Облик незнакомца, далекий от заурядного, а равно и разительная странность его поведения не могли ускользнуть от внимания путников. Высокая, худая фигура, ссутуленные плечи, бледное, с резкими чертами лицо — все в нем было необычно, а взор, брошенный им на путников из-под складок плаща, скрывавшего нижнюю часть его лица, более чем красноречиво свидетельствовал о присущей характеру незнакомца свирепости.

* Здесь и далее, помимо особо оговоренных случаев, перевод стихов принадлежит С.Л. Сухареву.

Путешественники, войдя в церковь, стали озираться по сторонам в поисках незнакомца, однако нигде его не обнаружили. В полумраке длинного нефа показалась еще одна фигура: это был монах из прилегавшей к храму обители, обычно вменявший себе в обязанность сопровождать чужестранцев и рассказывать им обо всем, что наиболее заслуживало их внимания: именно с этим намерением он и приблизился теперь к только что вошедшим посетителям.

Внутренность церкви не отличалась показным блеском и пышностью отделки, свойственными многим храмам Италии, и прежде всего неаполитанским, но возвышенная простота обстановки казалась утонченному вкусу более подкупающей, а торжественная игра светотени как нельзя лучше располагала к возвышающему душу чувству набожности.

Осмотрев гробницы и прочие достопримечательности, путешественники через полутемный боковой неф направились было к выходу, как вдруг заметили, что тот самый таинственный незнакомец, с которым они столкнулись в портике, устремился к одной из исповедален, расположенных слева. Один из англичан поинтересовался, кто это такой, и монах взглянул в сторону незнакомца, однако не проронил ни слова, но на повторный вопрос, наклонив голову в знак вынужденного повиновения, спокойно ответил:

— Это убийца.

— Как! — вскричал один из приезжих. — Убийца — и разгуливает на свободе?

Сопутствовавший англичанам итальянец невольно улыбнулся изумлению своего приятеля.

— Здесь убийца нашел себе убежище, — пояснил монах, — в этих стенах ему нечего бояться.

— Так, значит, ваши алтари защищают убийц? — воскликнул англичанин.

— Ему более нигде не обрести безопасного пристанища, — кротко заметил монах.

— Поразительно! — отозвался его собеседник. — Чего стоят тогда ваши законы, коль скоро самый отъявленный злодей может безнаказанно избежать руки правосудия? Но

каким образом он умудряется существовать здесь? Разве не грозит ему гибель от голода?

— Прошу прощения, — возразил монах, — но ведь всегда находятся люди, готовые оказать помощь тем, кто в ней нуждается, и поскольку преступнику нельзя покинуть пределы храма, дабы отправиться на поиски пропитания, еду ему доставляют прямо сюда.

— Да возможно ли такое? — обратился англичанин к своему другу-итальянцу.

— Зачем же обрекать несчастного на мучительный конец! — откликнулся тот. — Он неизбежно умрет, если лишит его куска хлеба. Но неужто тебе на протяжении всего нашего путешествия по стране ни разу не довелось встретить человека в подобном же положении? У нас это случается довольно часто.

— Я впервые такое вижу, — отвечал англичанин, — и просто глазам своим не могу поверить.

— Знаешь, дружище, — произнес итальянец, — убийства в Италии происходят едва ли не на каждом шагу, и, если бы мы не проявляли снисхождения к этим несчастным, наши города опустели бы наполовину.

В ответ на столь глубокомысленное замечание англичанин мог только отвесить поклон.

— Посмотри вон на ту исповедальню, — продолжал итальянец, — за колоннами в левом нефе, под самым витражом. Заметил? Цветные стекла плохо пропускают свет, и потому ее не так-то легко разглядеть.

Англичанин взглянул в ту сторону, куда указывал его друг. В боковом нефе, у самой стены, помещалась исповедальня, построенная из дубовых панелей либо из другого, столь же темного дерева. Именно в нее, по наблюдению англичанина, и вошел только что убийца. Исповедальня состояла из трех отделений, прикрытых черным балдахином. В центре, на возвышении, стояло кресло, предназначенное для исповедника. К среднему отделению примыкали крайние: ступеньки вели к решетчатой перегородке, через которую, опустившись на колени, скрытый от постороннего взора, кающийся грешник мог доверять слуху

священника признания в тяготивших его душу преступлении.

— Теперь видишь? — спросил итальянец.

— Да, — подтвердил англичанин. — Убийца сейчас внутри этой исповедальни. Сооружения мрачнее этого мне еще не доводилось зреть! Самый вид его способен ввергнуть преступника в безысходное отчаяние.

— Нам, итальянцам, подобное настроение не слишком-то свойственно, — с улыбкой возразил его собеседник.

— Так чем же примечательна эта исповедальня? — нетерпеливо поинтересовался англичанин. — Тем, что в ней скрылся убийца?

— Дело вовсе не в этом, он тут ни при чем. Я всего лишь желал обратить твое внимание на эту исповедальню, ибо с ней сопряжены события, из ряда вон выходящие.

— Что же это за события?

— Минуло уже несколько лет с тех пор, как здесь была выслушана связанная с ними исповедь. Твое удивление при виде убийцы, пользующегося свободой, навело меня на воспоминания. Вернемся в гостиницу — и я поведаю тебе всю историю от начала до конца, если только ты не намерен более приятно скоротать время.

— Мне любопытно узнать все подробности, — заметил англичанин. — Начиная рассказывать прямо сейчас!

— История слишком долгая: пересказать ее и недели не хватит. По счастью, она занесена на бумагу — и я охотно пришлю тебе рукопись. Когда эта ужасающая исповедь сделалась достоянием городской молвы, в Неаполе обретался некий молодой студент из Падуи...

— Прости, ради бога, — перебил приятеля англичанин, — но разве не поразительно уже само то, что содержание исповеди стало доступно другим? Ведь, насколько мне известно, все услышанные признания священник обязан сохранять в строжайшей тайне.

— Справедливо, — согласился итальянец. — Тайна исповеди никогда не нарушается, разве только по особому повелению духовного лица, облеченного высшим саном. Однако даже при этом условии тайна исповеди подлежит

раскрытию только в самых исключительных случаях. Но по прочтении повести твое недоумение сойдет на нет. Я собирался сообщить тебе, что записана она студентом из Падуи, оказавшимся в Неаполе как раз после разглашения этой истории. Глубоко потрясенный услышанным, юноша решил взяться за перо — и ради усовершенствования слога, и с целью отблагодарить меня за какую-то малосущественную услугу. Читая эти страницы, ты поймешь, что писал их человек молодой и не слишком искушенный в тонкостях сочинительства. Но от истины он не отступил ни на шаг — а это как раз то, что тебе требуется... Идем же, нам пора!

— Нет, погоди! Мне хочется пристальней всмотреться в этот величественный храм и прочнее запечатлеть в памяти указанную тобой исповедальню.

Англичанин еще раз обвел глазами могучий свод и просторные, тонувшие в полутьме приделы церкви Санта дель Пьянто. Тут он вновь заметил незнакомца в плаще, который, выскользнув из исповедальни, пробрался на хоры; пораженный новой встречей с ним, заезжий гость отвернулся — и поспешно покинул церковь.

У выхода друзья распрощались. Англичанин вернулся в гостиницу — вскоре ему доставили объемистую рукопись, за чтение которой он немедленно взялся. Вот эта повесть...

ТОМ I

Глава 1

В чем тайный грех — неизвестная повесть:
Не выведать, раскаяньем не смыть.

Уолпол Х., Таинственная мать

В 1758 году Винченцио ди Вивальди впервые встретился с Эллиной Розальба в неаполитанской церкви Сан-Лоренцо. Едва заслышав нежный певучий голос, юноша невольно устремил взгляд к удивительно гибкой стройной фигуре, отличающейся редким изяществом, однако лицо незнакомки скрывала густая вуаль. Зачарованный ее голосом Винченцио с мучительно-острым любопытством принялся гадать о ее наружности, каковая, он нимало не сомневался, так же полно должна была выразить чувствительность ее души, как ее мелодичный голос. С неослабным вниманием он не отрывал глаз от незнакомки на всем протяжении утренней службы, по окончании которой девушка покинула церковь в сопровождении пожилой дамы — вероятно, матери, — опиравшейся на ее руку.

Вивальди незамедлительно отправился им вослед, исполненный решимости, буде ему посчастливится, хотя бы мельком увидеть черты лица незнакомки и запомнить дом, где она могла жить. Юноше не раз приходилось ускорять шаг, поскольку обе синьоры шли довольно быстро, нигде не задерживаясь и не глядя по сторонам; на углу Страда-ди-Толедо он едва не потерял их из виду; стремительно бросившись вперед, он мигом преодолел разделявшее их расстояние, которое до того предусмотрительно выдерживал, и поравнялся с преследуемыми при входе на Терраццо-Нуово, пролежавшую вдоль Неаполитанского залива и ведущую на Гран-Корсо. Юноша оказался рядом с дамами, однако очаровательная незнакомка так и не подняла вуали,

а он понятия не имел, как привлечь к себе ее внимание или хотя бы краем глаза скользнуть под покрывало. Скованный почтительной робостью, смешанной с восхищением, Винченцио, борясь с неодолимым желанием заговорить, не мог вымолвить ни единого слова.

У самого подножия лестницы, однако, пожилая дама оступилась; Винченцио сей же час поспешил на помощь, но тут налетевший со стороны моря легкий бриз откинул вуаль, которую Эллена, помогавшая своей спутнице подняться на ноги, не успела придержать, и взору юноши предстало лицо, наделенное такой трогательной красотой, какую он даже не осмеливался вообразить. Облик Эллены напоминал о Греции: запечатленное в ее чертах выражение умиротворенного спокойствия свидетельствовало об изысканной утонченности ума, а темно-голубые глаза блистали чуткой живостью восприятия. Встревоженная состоянием пострадавшей, Эллена не сразу заметила, какой восторг пробудила у молодого очевидца происшествия, но, на мгновение встретившись глазами с Вивальди, тотчас же прочитала в них обуревавшие юношу чувства и, не мешкая долее ни секунды, торопливо опустила вуаль.

Неловкость пожилой синьоры при спуске с лестницы не повлекла за собой, по счастью, особо серьезных последствий, однако Винченцио не преминул воспользоваться открывшейся ему возможностью и обратился к синьорам с учтивейшей просьбой, чтобы пострадавшая, которой каждый шаг давался теперь с заметным усилием, согласилась принять его помощь. Пожилая синьора, должным образом выразив юноше свою признательность за столь любезное с его стороны предложение, долго отнекивалась, но в конце концов ей не оставалось ничего иного, как уступить его убедительным настояниям и опереться на руку юноши.

По дороге Винченцио всячески тщился завязать разговор с Элленой, однако ответы ее отличались крайней немногословностью, и потому даже в самом конце пути Винченцио все еще продолжал ломать голову, не зная, что могло бы пробудить в девушке интерес и смягчить ее холодную сдержанность. Вид представшего перед ними жилища побудил

Винченцио заключить, что сопровождаемые им особы — происхождения, несомненно, благородного — обладают довольно скромными средствами. Дом был невелик, однако все в этом уголке дышало мирным уютом и свидетельствовало о безупречном вкусе обитательниц. Окруженный садом и виноградниками, дом стоял на приметном возвышении, откуда открывалась вечно-изменчивая панорама Неаполя и омывающего город залива; кровлю дома осеняли могучие ветви вековых сосен, здесь же произрастали величественные финиковые пальмы; и хотя на незатейливый портик и колоннаду внутри двора употребили отнюдь не самый дорогой мрамор, стиль архитектуры был изящный. В тени колонн можно было найти отрадный приют в часы полуденного зноя, сюда же вольно долетало освежающее прохладой дыхание моря — и ничто не препятствовало созерцанию его восхитительных берегов.

Вивальди остановился у небольших ворот, ведших в сад; здесь старшая дама снова поблагодарила его за проявленную участливость, однако приглашения войти в дом не последовало — и огорченный Винченцио, дрожа от волнения, с упавшим сердцем, не в силах откланяться, еще какое-то время медлил с уходом: взор его был прикован к Элене, однако от растерянности он не находил способа поддержать разговор, и затянувшаяся пауза вынудила пожилую синьору вновь пожелать ему на прощание всего доброго. Винченцио набрался смелости обратиться с просьбой дозволить ему наведаться сюда позднее, с тем чтобы осведомиться о здоровье досточтимой синьоры, и, получив разрешение, устремил прощальный взгляд на Элену, которая также отважилась поблагодарить юношу за заботу об ее тетушке. Выказанная девушкой признательность, само звучание ее голоса только усилили жажду Винченцио оставаться возле нее возможно дольше, но в конце концов ему пришлось, сделав над собой величайшее усилие, удалиться. Преследуемый в мечтах поразительной красотой Элены и все еще слыша сердцем трогательные отзвуки ее речи, Винченцио спустился к берегу залива возле ее обиталища; он не мог уже наблюдать за ней воочию, но со временем надеялся украдкой увидеть Элену

издалека, пусть мельком, на балконе дома, где шелковый навес слегка колыхался от свежего бриза. Винченцио провел несколько часов, простершись в густой тени раскидистых сосен и блуждая, несмотря на жару, у подножия скал, нависших над береговой кромкой, и не уставал вызывать в воображении чарующую улыбку Эллены и припоминать сладостные перебивы милого голоса.

Домой — в неаполитанский дворец отца — Винченцио возвратился лишь к концу дня, испытывая самые смешанные и противоречивые чувства, озабоченный и вместе с тем умиротворенный, погруженный в задумчивость и счастливый; воспоминание об услышанных из уст Эллены словах благодарности вселяло в него самые лучезарные надежды, хотя он и не осмеливался строить в уме планы касательно того, какой образ действий изберет в будущем. Винченцио явился домой как раз вовремя, чтобы составить компанию матери в ее ежевечерней прогулке по Корсо; при виде каждой проезжавшей мимо нарядной кареты в нем вспыхивала надежда повстречать предмет своих неотступных размышлений, однако Эллена там не появилась. Мать Винченцио, маркиза ди Вивальди, не преминула отметить про себя взволнованное состояние сына и необычную для него молчаливость; в попытке выяснить причины, вызвавшие в его поведении столь разительные перемены, она принялась было задавать ему вопросы, но ответы Винченцио только разожгли в ней еще большее любопытство; а посему, воздержавшись от дальнейших прямых расспросов, маркиза отложила разрешение поставившей ее в тупик загадки до того благоприятного случая, когда она сможет воспользоваться более изощренными способами, дабы возобновить свои расспросы.

Винченцио ди Вивальди был единственным отпрыском маркиза ди Вивальди — потомка одного из древнейших аристократических родов в Неаполитанском королевстве, баловня фортуны, пользовавшегося при дворе неограниченным влиянием и обладавшего властью еще более значительной, нежели его высокое происхождение. Маркиз равно кичился и знатностью имени, и положением в обществе:

чувство неоспоримого превосходства уравновешивалось в нем выдержанным в строгих принципах умом; гордыня руководила и нравственными его побуждениями, стремлением к почестям. Гордыня маркиза была, таким образом, его пороком и его добродетелью, его щитом и его ахиллесовой пятой.

Мать Винченцио также происходила из знатного семейства, мало в чем уступавшего роду Вивальди: ничуть не менее супруга тщеславилась она именитостью предков и кичилась своей собственной избранностью, однако благородство фамилии отнюдь не распространялось на ее внутренний душевный склад. Высокомерие и мстительность, вкупе с необузданностью страстей, сочетались в ней с лицемерием и лживостью: неутомимая в плетении изощренных интриг, она не обретала успокоения до тех пор, пока ей не удавалось отомстить незадачливой жертве, имевшей несчастье навлечь на себя ее неудовольствие. Любовь к сыну питалась в маркизе не столько материнской привязанностью, сколько тем, что она усматривала в Винченцио единственного наследника двух блистательных домов, предназначенного судьбой объединить и приумножить славу обоих.

Винченцио очень много унаследовал от отца и очень мало — от матери. Его гордость отличалась свойственным отцу благородным великодушием; но не чужды ему были и жгучие страсти матери, лишённые, впрочем, даже малейшей примеси притворства, двуличия и неукротимой жажды мести. По натуре своей Винченцио отличался редким чистосердечием и непосредственностью в проявлении чувств; легко вспыхивал — но и быстро отходил; раздражался любым знаком неуважения, однако охотно смягчался при виде сделанных уступок; высокие понятия о чести побуждали его к скорейшему примирению; неизменная приязнь к ближним располагала к восстановлению прежнего согласия и взаимной уважительности.

На следующий же день после первой встречи с Эленой Винченцио вновь приблизился к вилле Альтьери, с тем чтобы, воспользовавшись полученным разрешением, осведомиться о здоровье синьоры Бьянки. Возможность вновь уви-

деть Элену заставляла его сердце трепетать от радостного нетерпения, возраставшего с каждым шагом, так что у ворот он принужден был ненадолго задержаться, дабы перевести дух и хотя бы немного овладеть собой.

Вскоре у входа показалась старая служанка, которая провела гостя в небольшой зал, где Винченцио предстал перед синьорой Бьянки, занятой сматыванием в клубок шелковой нити. Больше в зале никого не было, хотя пустой стул, явно поспешно отодвинутый от пьедестала с вышиванием, указывал на совсем недавнее присутствие здесь Эллены. Синьора Бьянки отнеслась к визитеру со сдержанной любезностью, ограничившись сообщением самых скудных сведений в ответ на расспросы Винченцио о ее племяннице, появления которой он втайне ждал каждую секунду. Под самыми разнообразными предложениями Винченцио всячески старался тянуть время, пока наконец задерживаться долее сделалось неудобным: темы для разговора были исчерпаны полностью и участвовавшие со стороны синьоры Бьянки паузы ясно намекали на желание хозяйки дома проститься с посетителем. С омраченным сердцем, однако заручившись не слишком охотно данным разрешением снова осведомиться о ее здоровье в один из ближайших дней, преисполненный разочарования Винченцио покинул виллу.

На обратном пути через сад Винченцио не раз замедлял шаг, оглядываясь на дом в надежде различить сквозь решетку окна фигуру Эллены и озираясь вокруг, словно ожидал ее под роскошными кронами платанов; но тщетно взор юноши блуждал в поисках дорогого образа — и безысходное отчаяние свинцовым грузом отяготило его поступь.

Весь следующий день Винченцио посвятил розыску сведений о семействе Эллены, однако выяснить ему удалось немного. Стало известно, что Эллена — сирота, опекаемая единственной родственницей, теткой — синьорой Бьянки; род их, не приметный ни богатством, ни славой, постепенно приблизился к полному разорению. Кроме тетки, никого у Эллены не было. Но Винченцио и не подозревал о тайне, тщательно сберегаемой: Эллена всячески поддерживала свою старую тетушку, все достояние которой сводилось